

КЛАССИКА
МЕДИЦИНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Николай ПИРОГОВ

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

ДНЕВНИК СТАРОГО ВРАЧА

Основоположник военной хирургии, автор топографической анатомии, позволившей хирургам возможность оперировать, нанося минимальные травмы больному. Впервые в истории русской медицины проводил операции с эфирным наркозом, а так же активно использовал в лечении раненых гипсовые повязки.

Классика медицинской литературы

Николай Пирогов

**Вопросы жизни.
Дневник старого врача**

«Издательство АСТ»

1879–1881

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)44

Пирогов Н. И.

Вопросы жизни. Дневник старого врача / Н. И. Пирогов —
«Издательство АСТ», 1879–1881 — (Классика медицинской
литературы)

ISBN 978-5-17-146144-7

Николай Иванович Пирогов навсегда останется в истории русской медицины как основоположник русской школы анестезии, гениальный военно-полевой хирург и анатом. Его революционные методы спасали жизнь тысячам русских солдат на полях Крымской и Русско-турецкой войны. О нелегком пути сначала студента, а потом врача и рассказывает знаменитый хирург в своих воспоминаниях. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)44

ISBN 978-5-17-146144-7

© Пирогов Н. И., 1879–1881
© Издательство АСТ, 1879–1881

Содержание

Дневник старого врача,	6
5 ноября 1879	6
[21 ноября 1879]	10
25 декабря	11
26 декабря	13
28 декабря	14
29 декабря	16
30 декабря	17
19 февраля	19
Февраля 20–21	20
1–4 марта	22
4-го марта	24
5–6 марта	25
История рождения, жизни, страданий и смерти моего верноподданного кота Мошки	26
1880 г. декабря 22-го	32
(3 января 1881)	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николай Иванович Пирогов
Вопросы жизни. Дневник старого врача

Печатается в сокращении

**Дневник старого врача,
писанный исключительно для самого
себя, но не без задней мысли, что, может
быть, когда-нибудь прочтет и кто другой
5 ноября 1879 – 22 октября 1881**

5 ноября 1879

Отчего так мало автобиографий? Отчего к ним недоверие? Верно, все согласится со мною, что для мыслящего, любознательного человека нет предмета более достойного внимания, как знакомство с внутренним миром, бытом каждого мыслящего человека, даже и ничем не отличающегося на общественном поприще.

И вот я, для самого себя и с самим собою, хочу рассмотреть мою жизнь, подвести итоги моим стремлениям и мировоззрениям (во множественном – их было несколько) и разобрать мотивы моих действий. Стой, однако же! На первых же порах! Не притворничаю ли с самим собою? Точно ли хочу писать только *для себя*? Если я и решил, чтобы писанное о себе осталось при моей жизни необнародованным, то разве я не желал бы, чтобы оно прочиталось когда-нибудь и другими, хотя бы, например, моими детьми и знакомыми? Жена же, верно, уже прочтет. Если же я этого не хочу, то значит все-таки даю себе повод хотя перед самыми близкими людьми, да все-таки порисоваться и что-нибудь скрыть или поддурманить. Самоеду это сейчас же приходит на мысль. И это хорошо, что приходит на мысль. Как только это имеется в виду, то есть надежда и на достаточное противодействие. Ведь *самоедство* не допустит меня, чтобы я не следил за собою во время моей работы с самим собою; следя же, подмечу, а подметив, остановлюсь и не дам простору притворству и скрытности. Впрочем, я заранее знаю, что цинически откровенным я и пред самим собою не хочу быть. Чистоплотность нужна не напоказ только. Цинические поступки в жизни лучше оставить, не трогая и не подвергая анализу, – это лучше для самого себя; иначе попадешь в ретирады души и оттуда напустишь вони и в то, что искренно хотелось бы оставить чистым, как оно есть на самом деле. У нас у всех на дне души довольно грязи; если, опустившись на это дно, ее взбаламутишь, то потом сам не отличишь чистого от грязного. Но, разумеется, если цинизм и душевная нечисть были мотивами какого-либо действия, повлиявшего на всю жизнь, то поневоле не минуешь заглянуть и в ретирады.

Но способен ли я писать о себе для себя?

Опять вопрос: что нужно для этого?

Главное – откровенность с самим собою.

Наверное, я могу про себя сказать только то, что я не скрытен с собою; ведь есть люди, скрытничающие более с собою, чем с другими; я не принадлежу к ним, хотя и со мною случалось, что я открывался себе только после того, как был откровенен с другими; случалось, что, сообщая откровенно другим что-либо вслух, начинаешь как будто лучше понимать, что делается внутри тебя самого. Иногда только тогда узнаешь хорошенько, что делается у тебя, когда разговоришься о себе с другим. Иногда стыдишься себе признаться в том, что на душе, пока случайно как будто (хотя и вовсе не случайно) не расскажешь другому вдруг с какой-то цинической откровенностью вслух, что скрывал от себя.

Записки, которые веду теперь о себе, заменяют в таком случае неоткровенности с самим собою сообщение или разговор с другим; бумага заменяет другое лицо; к записке, хотя и собственной, относишься объективнее, чем к мысленной беседе с собою. Пиша, делаешься смелее

с собою и притом не даешь мысли распускаться в разные стороны и бродить; мысль при записывании превращается в нитку и ловчее тянется из мозга, чем при размышлении, без письма.

Итак, я надеюсь, ведя мои записки, быть не менее, а гораздо более откровенным с собою, чем в задушевных излияниях с другими, хотя бы и с самыми близкими к сердцу людьми.

Второе условие, чтобы быть (правдивым) истинным автобиографом для самого себя, – это хорошая память. Для беспамятного, хотя бы остроумного и здравомыслящего человека его прошедшее почти не существует. Такая личность может быть весьма глубокомысленная и даже гениальная, но едва ли она может быть неодносторонняя, и уже, во всяком случае, ясные и живые ощущения прошлых впечатлений без памяти невозможны. Но память, как я думаю, есть двух родов: одна – общая, более идеальная и мировая, другая – частная и более техническая, как память музыкальная, память цветов, чисел и т. п. Первая (общая) хотя и отвергалась иными, но она-то именно и удерживает различного рода впечатления, получаемые в течение всей жизни, и события, пережитые каждым из нас. Глубокомысленный и гениальный человек может иметь очень развитую память, не обладая почти вовсе общею памятью.

Моя память общая и в прежние годы была острая. Теперь же, в старости, как и у других, яснее представляется мне многое прошлое не только как событие, но и как ощущение, совершившееся во мне самом, и я почти уверен, что не ошибаюсь, описывая, что и как я чувствовал и мыслил в разные периоды моей жизни. Но память для прошлых ощущений и составившихся из них убеждений, мыслей и взглядов может быть, и не есть та, которую я называю *общею памятью*. Она, может быть, так же, как и память звуков, цветов и т. п., специальная, так сказать *техническая*, и не всякий одарен ею; память собственных ощущений требует сверх того еще и культуры. Такая культура именно и рождает в нас *самоедство*. К этому, т. е. к развитию самоедства, необходимо еще и внимание, сосредоточенное на собственные ощущения и их дальнейшее развитие. Вообще, запоминается хорошо только то, на что обращено внимание. Внимательность – необходимый атрибут памяти. Но и внимание, и память не всегда сознательны; первое, впрочем, редко не сознательно, тогда как память, именно специальная (техническая), нередко, и даже зачастую, действует для нас бессознательно. Мы многое запоминаем и многому внимаем невольно и незаметно для нас самих. Нередко, вспомнив что-нибудь, удивляешься, когда успел это припомнить.

Как остаются в мозгу почти целую жизнь некоторые ощущения и воспоминания не только о прошлых событиях, но и еще и воспоминания об ощущениях, испытанных нами при давно прошедших событиях, – трудно себе представить. Мозг, как и все органы, подвержен постоянной смене вещества; атомы его тканей постоянно заменяются новыми, и нужно предположить, что атомы его, заменяясь при смене вещества другими, новыми, передают им те самые колебания, которым они подвергались при ощущении различных впечатлений. И вот мягкая мозговая мякоть ребенка, оплотневаясь и изменяясь в ее физических свойствах, продолжает задерживать отпечатки самых ранних ощущений и впечатлений и передает эти ощущения нашему сознанию в старости еще живее и яснее, чем прежде, в зрелом возрасте. Не говорит ли это в пользу моего взгляда (несколько мистического), что атомистические колебания (которые необходимо предположить при ощущениях) совершаются не в одних видимых и подверженных изменениям клеточках мозговой ткани, а в чем-то еще другом, более тонком, эфирном элементе, проникающем чрез все атомы и не подверженном органическим изменениям.

Замечательны также и бессознательные ощущения, остающиеся и не остающиеся в памяти. Наш внутренний быт составлен весь из постоянных, сознательно и бессознательно для нас беспрестанно колеблющихся и волнующих нас ощущений, приносимых к нам извне и изнутри нас. С самого начала нашего бытия и до конца жизни все органы и ткани приносят к нам и удерживают в нас целую массу ощущений, получая впечатления то извне, то из собственного своего существа. Мы не ощущаем наших органов; мы, смотря на предмет, не думаем о глазе; никто в нормальном состоянии ничего не знает о своей печени и даже о беспрестанно

движущемся сердце, но ни один орган не может не приносить от себя ощущений в общий организм, составленный из этих органов. Ни один орган, как часть целого, не может не напоминать беспрестанно о своем присутствии этому целому. И вот эта вереница ощущений, извне и изнутри, без сомнения известным образом регулированных, и потому скажу лучше – свод (ensemble) ощущений и есть наше «я», в течение всего нашего земного бытия. Что такое наше «я» без этих ощущений – этого мы не можем себе представить, но и не можем не допустить возможности существования ощущающего начала без ощущений. Одно «я» основано на опыте, другое – на логике; есть и третье, основанное на веровании. Декартово *cogito, ergo sum*¹ может быть без ошибки заменено: *sentio, ergo sum*²; ибо слово «ощущаю наше “я”» можно сказать и не мысля. «Я есмь» не есть продукт мышления, а ощущения, т. е. чувства, – не мысли, – что существую. Правда, младенец, делающий первый вздох, вышед на свет, не говорит еще: *я существую*, хотя, без сомнения, ощущает, вбирая в себя впервые воздух, нечто для него новое; но более сознательное чувство существования, приходящее к ребенку постепенно, без сомнения, не есть продукт мышления, а более регулируемое и окрепшее ощущение, приносимое извне и изнутри его органами.

Рассматривая мою жизнь, я опишу несколько мировоззрений, которым я следовал, оставившаяся на них более или менее продолжительное время; полагаю, что мне удастся также выяснить для себя и то, почему я принимал их и следовал им; теперь же постараюсь уяснить себе то мировоззрение, на котором я, как кажется, уже окончательно остановился; приведу покуда только часть моего настоящего мировоззрения, относящегося до моего взгляда на основы нашего бытия.

Остановиться мыслию на вечно движущихся и вечно существовавших атомах я не могу теперь, хотя и мог прежде. Мой ум впадает в безысходное положение в обоих случаях, то есть когда он хочет себе представить эти атомы бесконечно делимыми и бесформенными или же ограниченными и имеющими известный вид. Бесконечно делимое, движущееся и бесформенное *само по себе как-то случайно* делается ограниченным, оформленным и спокойным: это так несовместимо в моем уме, что я не могу на нем остановиться. Мне невозможно также остановиться на атомах, размельченных в какие-то крупинки, шарики, математические точки и т. п. Если вся Вселенная переполнена этими непроницаемыми, т. е. сохраняющими главное свойство вещества, атомами, – и между тем они должны находиться в беспрестанном движении, то где же, в чем и как совершается их движение? Мой слабый ум, производя свой анализ вещества, деля и разлагая его атомы, никак не может на них остановиться и незаметно, невольно переходит от них в конце концов к чему-то другому, имеющему все отрицательные свойства материи; мой умственный анализ роковым образом приходит к необходимости принять вне атомов нечто проникаемое и все и всюду проникающее, неделимое, бесформенное, вечно движущееся и именно этими своими свойствами сообщающее, движущее, скопляющее, рассеивающее атомы, образующее тем формы вещества и, само проникая в них и чрез них, принимающее (так сказать, укладываясь в них) на себя, хотя бы и временно, тот или другой вид, смотря по тому, в какую и чрез какую форму материи оно проникает.

Перенося мой анализ на органические вещества и на самого себя, я невольно спрашиваю себя: откуда могла взяться способность органического мира ощущать и сознавать свое бытие? Основные его атомы, как бы я их себе ни представлял, останутся для меня все-таки бесконечно делимыми, непроницаемыми и т. п., то есть имеющими такие свойства, которые не объясняют мне их способности ощущать и сознавать себя; необходимо будет допустить, что от века веков существуют и атомы, одаренные этими свойствами, и своим скоплением в одно целое образу-

¹ Я мыслю, следовательно, я существую (*лат.*).

² Я ощущаю, следовательно, я существую (*лат.*).

ющие, чувствующие и сознающие свое существование организмы. Мой ум не допускает, чтобы одна группировка атомов в известные формы (как, например, мозговые клеточки) могла их сделать, eo ipso³, способными ощущать, хотеть и сознавать, если бы в них не была вложена способность к ощущению и сознанию.

Вот это основное начало – этот-то элемент чувства, воли и сознания, самый основной бытия, – начало, без которого мир не существовал бы для нас, – мой умственный анализ и отыскивает за пределами атомов, – в том, что он по необходимости признает существующим вне их и имеющим отрицательные, т. е. противоположные атомистическим, свойства, без которых и положительные свойства материи для нас были бы несуществующими.

Это отвлеченное, как и самые атомы, произведение умственного анализа, основанное на природной способности ума переносить свои функции вне себя, должно содержать в себе и самое главное отрицательное свойство вещественных атомов – самостоятельное жизненное начало с его главным атрибутом: способностью к ощущению и самосознанию, не таким, конечно, которым одарены мы.

Я представляю себе – нет, это не представление, а греза – и вот мне грезится беспредельный, непрерывно зыблущийся и текущий океан жизни, бесформенный, вмещающий в себе всю Вселенную, проникающий все ее атомы, непрерывно группирующий их, снова разлагающий их сочетания и агрегаты и приспособляющий их к различным целям бытия.

К какому бы разряду моих ограниченных представлений я ни отнес этот источник ощущения и ощущающего себя бытия – к разряду ли сил или бесконечно утонченного вещества, он для меня все-таки представляет нечто независимое и отличное от той материи, которая известна нам по своим чувственным (подлежащим чувственному исследованию) свойствам. У меня нет других средств к исследованию этого источника ощущения и моего сознательного бытия, как полученная мною из этого же источника способность ощущения. А расследовать и познать что-либо вполне мы можем только тогда, когда станем выше познаваемого. Но свойство нашего ума искать цели и целесообразности не может не видеть целесообразности в проявлениях жизни. Нет ничего целесообразного, придуманного нашим умом, что не обреталось бы готовым, так сказать, в окружающем нас мире. Напрасно говорят, что организм наш есть машина; наоборот, каждая придуманная нами машина есть не что другое, как сколок с существующих уже в природе и в нашем организме приборов и снарядов.

Все органическое в природе тем и поразительно для нас, что в нем начало или сила жизни приспособила все механические и химические процессы к известным целям бытия. Если же ум наш не может не найти целесообразности в проявлениях жизни и творчества различных типов по определенным формам, то этот же ум не может в этом не видеть самого себя – то есть видеть разумное; и вот наш ум по необходимости должен принять беспредельный и вечный разум, управляющий океаном жизни.

³ Этим самым (лат.).

[21 ноября 1879]

Я начал писать мои записки 5-го ноября 1879 года и сегодня, 21-го ноября, опять принимаюсь, после промежутка в несколько дней.

Пишу для себя и не прочитываю, до поры до времени, писанного. Поэтому найдется немало повторений, недомолвок; найдутся и противоречия, и непоследовательности. Если я начну исправлять все это, то это было бы знаком, что я пишу для других.

Я признаюсь сам себе, что вовсе не желаю сохранять навсегда мои записки под спудом; те, однако же, лица, которым когда-нибудь будет интересно познакомиться с моим внутренним бытом, не побрезгают и моими повторениями: они, верно, захотят узнать меня таким, каков я есть, с моими противоречиями и непоследовательностями.

Да, жизнь – это для меня понятие коллективное. Это я уже сказал; жизнь – это осмысленная, безгранично действующая сила, управляющая всеми свойствами вещества (то есть его силами), стремясь притом непрерывно к достижению известной цели: осуществлению и поддержке бытия.

Простое описательное эмпирическое определение жизни, данное Биша⁴ и другими, также довольно верно: по этому определению жизнь сводится на собрание отправлений – *ensemble des fonctions*, противодействующих смерти – *qui resistent a la mort*.

Действительно, в живом организме, как и во всем живом мире, все отправления, все функции направлены к тому, чтобы сохранить бытие и противодействовать разрушению; ошибка, или лучше, недомолвка этого определения, только в том, что не отправления организма сами по себе стремятся и более или менее достигают этой цели, а другое, руководящее их начало, эмпирическое, осмысленное, то есть стремящееся к цели и делающее все функции организма целесообразными, – сила жизни.

Все механические действия органических снарядов и приборов, все химические процессы, весь процесс развития в организме – все целесообразно, везде мысль, план и стремление осуществить, сохранить и поддержать бытие. Механизм устройства органов, химизм различных функций и т. п. – все это чем более расследуется и чем более подвергается чувственному анализу, тем яснее обнаруживаются в замысловатости устройства целесообразность и причинность, но то, что направляет механические и химические процессы организма к цели, то остается и останется для нас сущим и первобытным, хотя и сокровенным для чувственного представления.

⁴ М.-Ф. Биша (1771–1802) – французский анатом и физиолог, автор учения о тканях человеческого тела.

25 декабря

Рождество Христово. Не писал дневника несколько дней, но зато на моих утренних прогулках по имению старался привести в порядок и ясность для себя мои понятия о начале жизни.

Я должен привести себе в ясность, насколько я материалист; эта кличка мне не по нутру, как Гессен-Кассельскому герцогу, который никак не мог терпеть, чтобы его гессенского профессора Либиха⁵ считали материалистом. «Sein Vater war Materialist (т. е. аптекарь), nicht er»⁶, – говорил герцог обвинителям Либиха в материализме.

Но что за дело до клички? Главное – сделать для себя ясным свое мировоззрение. Если я только не слушаю пред Богом и моей собственной совестью, излагая мое мировоззрение, то дела нет – буду ли я материалист или глупец в отношении к другим.

Я изменил себе и прочитал написанное несколько дней назад. Прочитав, вижу, что к понятиям о беспредельном, к которым я отношу пространство, время, силу и жизнь, я отнес и понятие о веществе. Откровенно сознаюсь, что вещество мне кажется таким же беспредельным, как пространство, время, сила и жизнь. Мне кажется, то есть моему воображению не представляется невозможным, что вещество могло бы перейти в силу и сила – в вещество. Сила должна быть бесформенна, но и материя в крайних ее пределах едва ли мыслима с сохранением формы. И жизненное начало, как сила, как нечто беспредельное и бесформенное в моем представлении, должно иметь свойства силы, переходить в материальные атомы, подобно тому, как допускается возможность перехода туманных пятен мирового эфира в небесные тела. Сравнение, правда, самое грубое. Тут переход вещества в вещество, следовательно, одно видоизменение. А переход силы в вещество! Это что? Ахиня? Но ведь сила не ничто, и, рассматриваемая мышлением отдельно от вещества, она есть нечто отличное от материи, хотя бы только и отрицательными свойствами. Только одно понятие о Боге, или – у атеистов – понятие о мире (их Боге), может быть понятием без отрицания; все другое на свете, понимаемое или представляемое нами, должно иметь и собственное свое отрицание в нашем уме.

Понятие о беспредельном пространстве имеет свое отрицание в измеряемых и оформленных предметах; понятие о бесконечности времени отрицается часами и минутами; для жизни служит отрицанием смерть; даже для уяснения одного из свойств Божеской природы – добра – сделался необходимым дьявол. Потому и понятие о веществе вызвало в уме представление о противоположном начале – силе; без нее, без ее антагонистических веществу атрибутов, самое вещество с его инерцией и другими свойствами было бы немислимо. Но отрицательное (то есть не материальное) свойство силы можно и для более ясного представления нужно перевести в положительное, приняв за исходную точку главный атрибут силы – действие и движение. И действительно, с моим представлением безграничного пространства и времени соединяется и представление о движении; время – это отвлеченное движение в пространстве, то есть сила, действующая в пространстве и своим действием приводящая себя в вещество. Могу ли я требовать, чтобы представления мои о таких отвлеченных предметах были ясны и отчетливы, как чувственные факты? – ведь и о самых наглядных вещах нередко имеешь одно смутное представление. Следует ли из того, что мне представляется неясным, заключить, что это темное представление ложно и бессмысленно? Не бывают ли, напротив, именно галлюцинации, то есть призраки, весьма ясны и неоспоримы для галлюцинирующих? Известно, что при неясности представлений мы прибегаем к сравнениям.

⁵ Ю. Либих (1803–1873) – немецкий химик, явился реформатором в области органической, физиологической и сельскохозяйственной химии.

⁶ Не он, а его отец был материалистом (нем.).

И вот мне кажется, что в моем понятии жизненное начало ни с чем не может быть так сравнено, как с светом. Источник света хотя и известен нам фактически, но расстояние его от нас так далеко и действия его на нас и все окружающее нас так многочисленны и разнообразны, что мы в обыкновенной жизни называем, без дальнейшего размышления, свойствами тел – свойства света. Мы говорим и думаем, что тот или другой цвет принадлежит не солнечным лучам, а тому или другому телу, хотя это тело потому только цветное, что атомы его задерживают, отражают или преломляют лучи света. Лучи же света могут достигать до нас и быть видимыми нами, может быть, целые века после того, как источник их света уже давно погас. Колебания светового эфира, чего-то непохожего на вещество, способного проникать чрез вещества, непроницаемые для всякой другой материи, и вместе с тем сообщающего им новые свойства, мне кажутся подходящими для сравнения с действиями жизненного начала.

26 декабря

Беседа с самим собою заманчива. Как я ни убежден, что мне не удастся уяснить себе вполне мое мировоззрение, но самая попытка уяснения заключает уже в себе какую-то прелесть.

Погода все время изменяется: NWN NNW, иногда переходящие SO. Температура между $-5-6^{\circ}$ и $+2^{\circ}$ R.

Да, мозг представляется мне подобным стеклянной призме, имеющей свойство разлагать луч света и преломлять его. Если бы я не боялся насмешки над самим собою за фантазерство, я бы назвал мозг призмой мирового ума; воспринимать и пропускать через себя колебания или действия этой мировой силы было бы функцией мозга, если бы сравнение мое было верно. Но, ставя себя на точку зрения материалиста-эмпирика, я вижу непроходимую пропасть между моим сравнением и тем воззрением, к которому неминуемо приводит – на первых порах и, так сказать, сгоряча, – скептицизм эмпирии. Не говоря уже о том, что *comparaison n'est pas raison*⁷, есть ли, спрашивается, для эмпирика хотя малейший смысл в употребленных мною выражениях, как: колебания силы, мировой ум без мирового мозга, сила без вещества, жизненное начало вне организма? Что это, с точки зрения эмпирика, как не идеологический набор слов?

Да, согласен, помирить чистый эмпиризм с существованием силы вне материи, мысли вне мозга, жизненного начала вне органических тел немислимо. Это *contradictio in adjecto*⁸. И те чистые эмпирики, которые, останавливаясь на фактах, не идут далее своих непосредственных (прямых или ближайших) умозаключений из этих фактов, совершенно правы в моих глазах, – я сам был и даже есмь такой, но как скоро переступается ими эта граница волшебного круга, как скоро они берутся за разрешение таинственного икса, то тут выводы эмпиризма оказываются несколько не осмысленнее идеологических предположений. Не забудем, однако же, что то, что мы называем смыслом, не есть непоколебимое и безусловно верное мерило истины. Хотя законы мышления всегда были и будут одни и те же, дважды два всегда будет четыре, но осмысленными и бессмысленными нам кажутся не всегда и не всем одни и те же предметы. То, что считалось бесспорным и очевидным лет сто тому назад, то может быть бессмысленным для живущих в конце XIX века. Смысл меняется не от одного процентного содержания знания в нашем уме, а часто и от психических поветрий и других внешних условий, к которым надо отнести и моду. Мода же является также и в виде поветрия. Вообще наш смысл, а вместе с ним все наши мировоззрения подчиняются закону периодичности, играющей в нашей, как и во всей мировой, жизни важную роль. Старое и забытое является в известные периоды снова на свет, но, конечно, всегда в ином виде; новые скопившиеся приобретения опыта вызывают на свет забытое и придают ему свежесть и новую силу. Ново то только, что хорошо забыто, – это изречение скептика имеет свою долю правды. Периодическое и вековое господство различных противоположных одна другой доктрин в науках и в мировоззрениях различных наций доказывает нам наглядно, насколько мы можем доверять нашему смыслу. Современный эмпиризм есть также своего рода доктрина, хотя последователи ее и желали бы не быть доктринерами. Всякая же доктрина, хотя бы и претендующая на одни чисто фактические основы, как это делает эмпиризм, – всегда односторонняя; иначе она не господствовала бы, не следовала бы одному и тому же направлению, считая его непогрешимым, и признала бы достоинство и других убеждений, основанных не на одних только чисто чувственных фактах. Бессмысленным называется то, что противоречит нашим убеждениям, – именно убеждениям, а не знаниям, ибо убеждения влияют на нас сильнее знания.

⁷ Сравнение – это не доказательство (*франц.*).

⁸ Внутреннее противоречие (*лат.*).

28 декабря

Метель и вьюга при сильном NW целую ночь и продолжается теперь при +Г R; все вокруг занесено снегом, нельзя высунуть носа, и я принужден остаться без моей утренней прогулки. Попробую писать – что-то выйдет.

Если смысл наш зависим от наших современных убеждений, а они, в свою очередь, переходящи и не всегда, по своей силе и упорству, соответствуют нашим знаниям, то ни одна господствующая доктрина, ни одно умственное направление не должно смотреть свысока на другие, им противоречащие, доктрины и направления, а умы беспристрастные, не увлекающиеся и не доверчивые, не должны пугаться насмешек, разных кличек и обвинений в отсталости, нерациональности и бессмыслии. Кто пережил уже кое-что на своем веку, тот вспомнит, с каким пренебрежением относились в двадцатых-тридцатых годах нашего столетия гегельянцы и натурфилософы к скромным и приниженным (в то время) эмпирикам, платящим теперь, в свою очередь, прежним мудрецам тою же монетою. Всего вернее и надежнее, конечно, было бы остановиться на позитивизме, оставить в покое неизъяснимое, приняв за аксиому, что существуют предметы, не подлежащие нашему знанию. Но это воззрение на практике делается, подобно другим, доктриною, как скоро оно будет проводиться последовательно и обязательно для его последователей. Доктринерство же, я сказал, – всегда односторонне и узко. Можно ли требовать от каждого ума, чтобы он обязался не затрагивать тот или другой предмет размышления, чтобы он остановился именно там, где ему назначает остановиться другой ум! Действительно, как, кажется, утверждает позитивизм, в жизни человечества замечается известная последовательность в направлении мышления и мировоззрениях, соответствующая степени знаний, приобретаемых жизнью человечества. Но эта последовательность не уничтожает возможности периодических возвратов того или другого из предшествовавших направлений, так как уму нашему не суждено окончательно убеждаться в непреложности истины принятого им направления. Временные наши убеждения хотя и всегда сильнее наших знаний, но еще менее прочны, чем самые знания, приобретенные одним опытом. Поэтому, как бы ни было позитивно направление современных умов, нельзя отвергать склонность к возврату другого противоположного (позитивному) направления, хотя бы в отличном от прежнего виде. И вот я, не оспаривая достоинств позитивизма и его пригодности для многих высоких умов, считаю его, однако же, для моего собственного ума непригодным, и, чтобы я мог сделаться позитивистом, я должен бы изнасиловать себя.

Как бы размышление и опыт ни убеждали меня, что я не в состоянии выйти из очерченного вокруг меня волшебного круга, что я не могу разрешить ни одной из занимающих меня проблем, – я не могу осилить мои влечения и не заниматься тем, что я считаю вопросами моей жизни. Но я с тем вместе не доктринер. Стараться осмыслить произведение фантазии в разрешении этих вопросов для меня не значит отказаться вовсе от эмпирии или пренебрегать ею, считать ее выработанные уже наукою и опытом методы ложными или малозначущими и не признавать ее заслуг. Нет, я один из тех, которые еще в конце двадцатых годов нашего столетия, едва сошед с студенческой скамьи, уже почуяли веяние времени и с жаром предавались эмпирическому направлению науки, несмотря на то, что вокруг их еще простирались дебри натуральной и гегелевской философии. Прослужив верою и правдою этому (тогда еще новому) направлению моей науки слишком пятьдесят лет, я убедился, однако же, что для человека с моим складом ума невозможно оставаться по всем занимающим меня вопросам жизни в этом одном направлении, или, другими словами, сделаться позитивистом и сказать себе: «Стоя! Ни шагу далее!»

Вот я при таком убеждении и позволяю моей фантазии, при помощи моих, каких ни на есть, знаний, доказывать – конечно, мне же самому, – что *raison d'être*⁹ всего подвластного чувствам, опыту и наблюдению скрыто за кулисами эмпирической сцены и потому и подвластно лишь ей одной (фантазии) да размышлению, да и то в самых ограниченных размерах. Не быв отъявленным позитивистом, я не могу искоренить в себе желания заглянуть за кулисы, и не только из одного любопытства, но и с (утилитарною) целью ограничения слишком назойливых претензий опыта на самовластие и вмешательство в решение вопросов, касающихся того закулисного резондэтра¹⁰.

Итак, начну с того, на чем остановился и что должно казаться с первого взгляда бессмысленным.

⁹ Смысл, основание существования (*франц.*).

¹⁰ От *франц.* *raison d'être*.

29 декабря

Метель утихла, небольшой NO, -5° R. После утренней прогулки.

«In's Innere der Natur dringt kein geschaffener Geist»¹¹. Это великая, глубоко продуманная мысль великого естествоиспытателя. Да, как бы глубоко ни проникали внутрь организма опыт и наблюдение, внутрь самой природы им вход запрещен. Научный прогресс делает опыт и наблюдение более утонченными, изоцирует чувства наблюдателя, помогает заменять как можно лучше одно чувство другим, как, например, зрением – осязанием; раскрывает механизм и химизм органической фабрики¹², но то, что заправляет ею, что направляет действующие в ней силы к охране и поддержанию бытия в известном, определенном заранее (типичном) виде, как en gros¹³, во всей органической массе, так и в частностях, – в каждой особи, в каждом органе, в каждой ткани, – это неподсудно изысканиям и неизъяснимо; хотя игнорировать это начало или силу, назовите как угодно, мы не можем, если бы и хотели. Наша мысль и фантазия не могут не стремиться привести в какую-либо связь проявление этого мирового начала с нашим собственным «я». Мы и мыслим потому, что находим мысль во всем окружающем нас. Без участия мысли и фантазии не состоялся бы ни один опыт и всякий факт был бы бессмысленным. Наши мысль и фантазия как причина, производящая и опыт, и наблюдение, не могут, однако же, по особенности своей природы ограничиться этими двумя способами знания. Ум, употребив опыт и наблюдение, то есть направив и заставив действовать известным образом наши чувства, потом рассматривает с разных сторон, связывает и дает новое направление собранным чувствами впечатлениям, и всегда не иначе, как с участием фантазии.

¹¹ В природе нет созданного духа (*нем.*). Стихи принадлежат известному швейцарскому ученому и поэту Альбрехту Галлеру (1706–1777) из его произведения «Лживость человеческих побуждений». Полностью они звучат так: Внутрь природы не проникнет созданный дух. Тот счастлив, кому она показывает только внешнюю оболочку.

¹² Здесь в подлиннике на поле неизвестно куда относящиеся слова: «Что живет? Поддержание цели бытия. Зерно и ферменты».

¹³ В целом (*нем.*).

30 декабря

Снегу навалило в эти два дня (третьего дня и вчера) местами с человеческий рост. -10°R .

Мне хочется доказать себе, что умственный мой процесс в настоящее время, когда я стараюсь уяснить себе мое мировоззрение, действует в сущности тем же способом, как и в то время, когда я ничего другого не хотел знать, кроме фактов. Мне кажется, что резкое различие, делаемое между суждениями *a priori* и *a posteriori*, или между дедуктивным и индуктивным способами, есть чисто доктринерское и справедливо разве в крайностях, похожих на безумие. В сущности, априорист, так же как и эмпирик, берут за исходную точку своих суждений факт – *factum*, нечто для них обоих неопровержимое и приобретенное первоначально чувствами и опытом; различие только в том, что априорист дает впоследствии другое значение факту и опыту и в приобретении своих знаний (которые без опыта невозможны) не ограничивается одними впечатлениями, доставляемыми ему внешними чувствами. У него играют более важную роль не столько непосредственные чувственные впечатления, сколько заключения, сложившиеся в уме и фантазии из этих впечатлений. Но так называемый рациональный эмпиризм, к последователям которого я отношу и себя, также не довольствуется одним собиранием приносимых чувствами впечатлений. Изобретая различные способы наблюдения и опыта, контролируя один опыт другим, рациональный эмпирик неминуемо пускает в ход фантазию, и умозаключения его почти никогда не могут удержаться в непосредственной (прямой) связи с чувственными впечатлениями, доставляемыми прямо опытом и наблюдениями. Всегда есть пробел между умозаключением и чувственным фактом, и чтобы уменьшить, сколько можно, этот пробел, у нас нет другого средства, как повторение или скопление однородных фактов, а это средство подвергает нас заблуждениям, которые нередко вреднее увлечений фантазии, потому что обманывают нас своею кажущейся точностью.

Вообще, мне кажется слишком школьным и тот анализ нашего мышления, которым мы обыкновенно руководствуемся. Мы принимаем ощущения, внимательность (*percipitio*), память, ассоциацию идей, свойство означать ощущения членораздельными звуками, суждение, фантазию за совершенно отдельно и как бы независимо друг от друга действующие способности. Это, конечно, необходимо для уяснения себе умственного процесса. Но вполне независимые одна от другой функции этих способностей я считаю невозможными в нормальном состоянии. Правда, одна из них может быть сильнее развита, чем другая, и потому функция одной из этих способностей может быть для нас заметнее другой, но без ощущения немислимо мышление; без внимательности и памяти ощущаемое было бы одним эфемерным и бесследным возбуждением, а без фантазии не может обойтись и самый точный математический прием мышления. Правда, в пользу сепаратизма и локализации наших психических способностей говорит тот неоспоримый факт, что при полном почти недостатке одной из них другие продолжают еще действовать. Самая способность ощущения, некоторыми физиологами посаженная в зрительные бугры мозга, еще подразделяется и локализуется на несколько других категорий; так, зрительное ощущение должно иметь отдельное место в мозгу от ощущения слухового и т. п., и весьма вероятно, что различные ощущения, приносимые внешними чувствами, сосредоточиваются в различных порциях мозга. Но то, что в нас ощущает, то ощущающее начало есть нечто нераздельное, целое и едва ли когда в течение жизни изменяемое; его нельзя локализовать в той или другой порции мозга и вряд ли можно назвать и самый мозг единственным его местопребыванием. Нам, конечно, кажется, что, сосредоточивая наше внимание на какой-либо предмет, смотря, например, на него в микроскоп или телескоп, мы только смотрим и превращаемся, так сказать, всецело в одно зрение. Но, вникнув глубже в этот процесс сосредоточенного зрения, мы убедимся, во-первых, что обращать внимание на что-либо – значит внимать самого себя, то есть направлять то ощущаемое начало, называемое «я», на впечатле-

ние, приносимое тем или другим органом чувства, смотреть этим «я» в глаз, слушать им же в ухо и, воспринимая в себя эти впечатления, в то же время судить о них, представлять их себе в том или другом виде, сравнивать с прежними ощущениями, принимаемыми некогда теми же чувствами, а все это необходимо требует, чтобы наше «я» беспрестанно приводило в действие то ту, то другую умственную способность и в одно и то же время.

Хотя в чувственных ощущениях, как, например, между зрением и слухом, можно определить краткие промежутки времени, отделяющие эти ощущения, если мы смотрим и слушаем (как астрономы) в одно и то же время, но едва ли мы найдем средство уловить промежутки, отделяющие ощущение, приносимое глазом, от того процесса, который совершается в то же самое время нашим «я» и который (процесс) называется теперь бессознательным мышлением, – название, по-моему, нелепое, хотя и означающее действительно особый психический процесс; мне кажется, что его лучше признать безымянным или неудобоназываемым, чем давать ему бессмысленное прозвище.

Вот это quasi-бессознательное мышление, сопровождающее все наши чувственные ощущения в самый момент их проявления, и есть самое характеристическое свойство нераздельности и цельности нашего «я».

Как бы ни были отдельно локализованы наши чувства зрения, слуха, осязания, наша память, воображение, способность говорить, мыслить, хотеть, наше «я» есть в одно и то же время и нечто отдельное от них и вместе с тем вмещающее все эти чувства и способности в себе. Наше «я» играет как будто на клавишах тех органов, функциям которых эмпиризм приписывает зрение, слух, память, слово и пр., и, выражая своею игрою эти функции, наше «я» само участвует в них как нераздельное целое, связывая их и проявляя ими свое бытие.

19 февраля

Отличная погода при – Г R (утром ясно и тихо для дня двадцатипятилетия).

25 лет тому назад я встречал этот день в Севастополе. Тогдашние занятия на перевязочном пункте и моя болезнь (тифоид) не позволили ясно сохранились произведенному на нас впечатлению известием о новом вступлении на престол. Я помню только о каком-то безгласном изумлении при получении известия о кончине императора Николая. Мы почти ничего не знали о его болезни. Пред неожиданным отъездом великих князей (*Николая* и *Михаила*) из Севастополя разнесся слух о болезни императрицы, и никому из нас и в голову не приходило, что нас ожидало такое важное событие. О каких-либо предстоящих переменах с восшествием на престол нового государя тогда некогда было помышлять. У всех одно было на уме – настоящее, весьма неприглядное. Неприятель приближался своими осадными работами; предстояли новые битвы и кровопролития; все были уверены, что, несмотря на перемену правления, до мира еще далеко. Газет мы тогда почти не читали; они приходили Бог знает когда, да и читать было некогда.

25 лет прошло с тех пор. Много великое совершилось, много хорошего. Много переменилось к лучшему, но юбилей омрачен новым Севастополем, также доморощенным и также не без внешнего влияния, тревожащим Россию. Уже давно появившаяся в цивилизованном мире болезнь, именуемая *мирскою печалью* или болью, «Weltschmerz», развилась и у нас. Но наши мирские печальники еще решительнее западных, не задумались прибегнуть тотчас же к самым печальным мерам для излечения своей болезни, но об этом поговорю после.

На другой или на третий день после призыва к присяге новому государю я пошел зачем-то к нашему госпитальному аптекарю в Севастополе и встретил его на дороге возвращающимся с почты с каким-то ящиком. Я любопытствовал узнать и зашел в аптеку; при раскрытии посылки оказалось, что это была атомистическая аптечка лейб-медика Мандта¹⁴, предназначавшаяся для всех военных госпиталей и по высочайшему повелению разосланная по всей России; этою аптекою, а следовательно, и атомистическим способом лечения д-ра Мандта должны были по воле покойного государя (Николая I) замениться прежние аптеки и прежние способы лечения в военных госпиталях.

Как только ящик был открыт, наш аптекарь, тертый немец, посмотрев на содержимое, прехладнокровно помотал головою и, закрыв ящик, сказал: «Опоздал». Только потом я понял, в чем дело. Приказ от военно-медицинского ведомства об этом нововведении был, вероятно, уже известен аптекарю, и он, получив эту курьезную посылку прежнего режима уже при новом, тотчас же сообразил, какая предстоит ей будущность.

¹⁴ М. Мандт (1800–1858) – лейб-медик Николая I, создатель крайне невежественной медицинской системы под названием «атомистическая система».

Февраля 20–21

Продолжается ясная погода с небольшим марецом SW; на солнце 0+5° R; ночью морозцы в 2–4° R.

Да где же моя автобиография? Но ведь я ее пишу для себя, и потому мне всего важнее уяснить себе самому, что такое «я», и потом уже проследить, насколько и каким образом фактическая жизнь способствовала сделать из меня то, что я теперь, то есть какими путями пришел я к моему теперешнему мировоззрению и к моим теперешним религиозным и нравственным убеждениям. Поэтому мне необходимо сначала уяснить самому себе, как я смотрю на окружающий меня мир, каким я кажусь себе, за кого я сам себя считаю, во что я верю, в чем сомневаюсь, что люблю и что ненавижу. Все мое прошедшее, все пережитое мною для меня интересно, однако же настолько, сколько оно может разъяснить мне весь процесс развития моего мировоззрения, моих религиозных убеждений и всего моего нравственного быта. Но чтобы добиться этого результата в истории моей жизни, я должен не только припомнить себе все давно прошедшее время, а еще и стараться быть на каждом шагу откровенным с собою. И то, и другое не так легко.

Я вел когда-то, 18-летним юношей, некоторое время (около года) дневник. У жены сохранилось из него несколько листков. Но из него я немного мог бы извлечь для моей цели. Я узнал бы, например, что в ту пору я не думал прожить более 30 лет, а потом, – говорил я тогда в дневнике, – в 18 лет (и притом вовсе не рисуясь!) – «пора костям и на место». Из этого я могу заключить только, это, впрочем, я и без дневника ясно помню, что нередко в те поры я бывал в мрачном настроении духа. Память давно прошедшего, как известно, у стариков хороша, а у меня она хорошо сохранилась и о недавно прошедшем. Поэтому в моей истории прошедшего я не найду большого препятствия к раскрытию процесса брожения и переворотов, совершившихся в течение жизни в моем нравственном и умственном быте. Но труднее будет для меня решить, насколько я могу быть вполне откровенным с собою. Это не так легко, как кажется. Есть случаи в жизни, главные и скрытые мотивы которых невозможно иначе объяснить, как при полной откровенности с самим собою, а между тем именно в таких случаях никак не решишь, действительно ли ты откровенен с собою или нет. Есть мотивы, до того глубоко сидящие в тайниках нашего «я», что их никак не вытащишь на поверхность души, сколько бы этого ни желал; вместо них появляются другие, на вид более приглядные, но, хватаясь и выставляя их, чувствуешь, что там где-то, в глубине, сидит, упершись и притаившись, другой мотив, неясный и, главное, нимало не похожий на всплывший. И это делается совсем не в тех случаях, где благоразумие и осторожность не позволяют быть откровенным с другими. Нет, я утверждаю, что несравненно труднее откровенность с самим собою, может быть, потому, что она обыкновенно требуется не ежедневно, не в дюжинных обстоятельствах, а в более или менее критических и серьезных. Случается и то, что действительно не можешь решить, что было причиной того или другого совершенного тобою поступка, и еще труднее – почему ты тогда, при этом поступке, так, а не иначе думал. Самый анализ и разбирательство действий своего собственного «я» требуют много опытности и упражнения. Едва ли тот, кто много упражнялся в анализе поступков, чувств и мыслей другого, приобретает этим же самым упражнением и способность анализировать безупречно себя самого.

Вообще для меня остается еще открытым вопрос – нормально ли анализировать себя? Человек, что называется, цельный, кажется, живет, мыслит, действует без разбирательства своего «я». Он так устроен и сам так устроился, что его мысли и действия, по его собственному убеждению, должны быть именно теми, какими они есть, а не иными. Психический процесс в таком человеке можно сравнить с заведенным, однажды на все время его существования, часовым механизмом. Маятник ходит ровно, мерно и правильно. Раскрывать и рассматривать этот

механизм нет никакой надобности. Самоедство же – другого свойства. Это продукт едва ли не патологический, хотя на нем и основано глубокомысленное правило мудрецов о познании (конечно, посредством наблюдения и изучения) самого себя, – известное «гнофи сеавтон»¹⁵.

¹⁵ Познай самого себя (*гр.* gnothi seauton).

1–4 марта

Все время холодный NW; мороз в 4–5°, а ночью 10–12°. Сегодня (3 марта) теплее и тише (—Г).

Сегодня случайно услышал об одной человеческой низости, свойственной исключительно холуйству. Максим, с детства почти оставленный отцом-солдатом в дворовых, обязанный нам своим, относительно порядочным, состоянием (тысячи в две), купивший на деньги, приобретенные у нас, дом и землю, оказался таким злым и коварным, что, лаская в моем присутствии моего кота Мошку и зная, что я его люблю, бьет его направо за глазами только за то, что ему, коту, а не ему, Максиму, достаются кости от жаркого за обедом.

Притворство с жестокостью и зависть к животному – вот до чего низводит человека холуйство, и без всякого глубокого мотива! Притворство без нужды! Я не терплю ласкательств – это он, Максим, знает; жестокость страсти – холодная, насмешливая и бесцельная. Зависть без причины: он сыт и от своего, и от нашего стола; да и к кому же зависть – к кошке! Низко до тошноты и тем тошнее, что в таких проявлениях видишь унижение общего всем нам человеческого достоинства, о котором так много говорится и для поддержания которого так мало делается.

Не вправе ли же я был заключать из сказанного, что в отношении нашей субъективной индивидуальности мы действительно стоим в заколдованном кругу. С одной стороны, объективные критерии для ее расследования (голос, слово, движение) ненадежны, неясны и двусмысленны, а с другой стороны, субъективные ненормальны до того, что, употребляя наше сознание и мысль для исследования сознания же и мысли, мы рискуем потерять и то, и другое. В самом деле, кто поручится за ясность и нормальность мышления у наблюдателя, направляющего непрерывно все внимание и мышление на то, например, чтобы проследить начало и прохождение мысли в сознании; кто поручится, что подмеченное совершилось в наблюдаемом, а не в наблюдающем? А кто поручится также за правильное понимание нами субъективных явлений, обнаруживающихся такими объективными признаками, как звуки, издаваемые животным при ощущении боли, движения, называемые рефлексам, и объяснения разного рода ощущений словами?

Если и при таком наблюдении самого себя в нормальном состоянии трудно и иногда невозможно отличить бессознательное ощущение от сознательного, то при объективных исследованиях (как, например, при вивисекциях и опытах над анестезированными хлороформом) еще гораздо труднее различить сознательное от бессознательного. При вивисекциях и при наблюдениях над человеком больным или приведенным различными агенциями в ненормальное состояние, субъективный элемент жизни подвергается от расстройств его нормальной связи с органическими элементами таким колебаниям и сотрясениям, которые не могут не влиять ненормально и на его объективные проявления. Поэтому суждения о натуре и особенностях субъективно-индивидуального бытия, основанные на опытах и наблюдениях над животными и больными людьми, должно делать крайне осмотрительно и не с тою легкостью, которая так удивляет меня в результатах, получаемых современными вивисекторами и наблюдателями. Еще гораздо труднее ненормальнее и сомнительнее дело, когда мы беремся судить о нашем «я», другими словами – о нашем лично сознательном ощущении бытия, мысли и вообще о присутствии в нас субъективного начала со всеми его (психическими) свойствами. В этом случае, если правильно мое сравнение нашего «я» с музыкантом, играющим одновременно на нескольких инструментах, оно, наше «я», начинает играть, не быв виртуозом, на одном из них исключительно и делает, конечно, *fiasco*. Наше субъективное существо, по натуре своей, не может и не должно быть односторонним и чрезмерно сосредоточенным; ни одна из наших субъективных способностей не должна быть излишне культивирована на счет другой, и особенно в

том случае, когда от природы развита у нас одна способность на счет другой; тут-то именно всего более должно избегать односторонней культуры. В противном случае нам предстоит одно из двух: или мы изумим свет нашим глубокомыслием и гениальностью, или превратимся в односторонних, узких и близоруких мономанов. Первое встречается весьма редко; второе – весьма часто и гораздо чаще, чем это признают психиатры. Есть, впрочем, еще один исход – специализм, в наше время завоевывающий себе все более и более почвы во всех областях знания. Но те из специалистов, которые отличились своими истинными заслугами, вовсе не были односторонними культиваторами одной какой-либо из своих умственных способностей, прежде чем избрали свою специальность. Только этому разностороннему предварительному развитию своих способностей они и обязаны успехом в культуре избранного ими предмета; только этим способом они, расширив свой кругозор, сумели найти новые пути и посмотреть на дело новым взглядом.

4-го марта

Мороз 7° ночью, днем Г. Марец WN.

Сегодня отправил письмо к Николаю Христиановичу Бунге¹⁶ в ответ на его письмо, в котором он писал, что идет в отставку, так как по новому университетскому уставу, ожидаемому вскоре, ректорам нечего будет делать, кроме получения прибавки жалованья.

Мой ответ – не буквальный. Я читал где-то и когда-то, что новое на свете есть не что иное, как хорошо забытое старое. Я читал также в каком-то киевском календаре, что у нас ежегодно бывают возвраты зимы весной и летом, а возвраты болезней мне известны давно по опыту. Нет ничего мудреного, что и в университетской жизни встречаются возвраты к старому, забытому и прожитому. Но нынче, видно, считается за новое и вовсе еще незабытое старое, а возвраты зим и болезней встречаются не только в природе, но и в университетском мире. Старики, как известно, всегда хвалят старину и предпочитают ее новизне. Только все наши университетские старожилы, за исключением гг. Каткова¹⁷, Любимова¹⁸ и Георгиевского¹⁹, верно, не вспоминают добром забытого еще старого. Это обстоятельство, казалось бы, должно было обратить на себя внимание новаторов, стремящихся возобновить старое. Почему это не сделано – объясняется именно тем влиянием этих исключительных личностей, успевших победить в себе предрассудок против отжившего. Это не должно удивлять нас, замечательно для меня одно только – это смелость ума наших новаторов, не боящихся ответственности перед будущим.

Возвраты зимы весной и летом наносят вред земледельцам; возвраты болезней опасны для больных, с стихийными, однако же, силами ничего не поделаешь; зато ум, данный нам Богом для целесообразных действий, казалось бы, должен был не на шутку и не раз призадуматься, придавая возврату худого и худо забытого старого значение благодетельной новизны. В таком случае вам, конечно, ничего не остается, как уступить свое место (ректорство) другим и предоставить им вливать это новое вино в такого же рода новые мехи.

¹⁶ Н. Х. Бунге (1823–1895) – с 1850 г. занимал в Киевском университете кафедру политической экономии и статистики. Пирогов сблизился с ним в бытность свою попечителем Киевского учебного округа (1858–1861), когда Бунге был ректором университета. Был деятельным участником комиссии по освобождению крестьян от крепостной зависимости. С 1880 г. был товарищем министра, а затем министром финансов (1881–1887), с 1890 г. – действительный член Академии наук. Комментируемое место относится к оставлению Бунге должности ректора Киевского университета, которую он занимал три раза (1859–1862, 1871–1875, 1878–1880); «новый университетский устав» – подготовлявшийся тогда устав 1884 г., отменивший автономию, которою высшая школа пользовалась по уставу 1863 г., выработанному при ближайшем участии Пирогова.

¹⁷ М. Н. Катков (1818–1887) – известный публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости».

¹⁸ Н. А. Любимов (1830–1897) – физик, профессор Московского университета, ближайший друг и сотрудник Каткова.

¹⁹ А. И. Георгиевский (1830–1911) – профессор всеобщей истории и статистики в Ришельевском лицее (в Одессе), ближайший помощник Пирогова по ведению преобразованной в 1858 г. газеты «Одесский вестник», редактировал «Журнал Министерства народного просвещения» (1866–1881).

5–6 марта

Метель и метель. Вчера (5-го) до +2° R, а сегодня ночью (на 6-е) мороз в 20°. Ясно, солнечно, тихо.

Вчера (5-го) фельдшер Урим²⁰ делал при мне судебное вскрытие кота Мошки. Мой любимец прекратил в муках свое кратковременное существование. Подозрение в побоях как причине смерти падало, по словам девочки Терезы, на коварного Максима. Он вошел в амбицию и уже по своей ограниченности сейчас же заговорил об отставке, без сомнения, для него вовсе нежелательной. Надо было убедиться, нет ли вещественных признаков Максимова травматизма на трупе. Вскрытие не обнаружило ни малейших следов не только травматизма, но и вообще какого ни на есть органического изменения, за исключением небольших розовых пятен на слизистой (оболочке) желудка. К микроскопу, впрочем, для более точных доказательств мы не прибегали.

Итак, мой Мошка, как подобает каждому верноподданному, «Божьей волею помре», сиречь, неизвестно почему, для чего и от чего.

Бедное мое животное, ты в нашем домашнем уединении доставляло нам нередко удовольствие то своими прыжками и кувырканием, то степенным своим и задумчивым видом, сидя возле нас на столе, то, разлегшись во всю длину и погрузясь в самый спокойный сон праведных. А как была хороша твоя поза, когда ты с сосредоточенным вниманием сидел на пороге двери у подпольной щелки и караулил мышонка! Как нежна, шелковиста, тепла и приятна на ощупь гладившей руки была твоя тигристая шкурка! Дай же запишу от скуки на память за доставленные нам твоим существованием забаву и рассеяние историю твоей жизни, болезни и смерти, мой бедный Мошка!

²⁰ Уриель Окопник – фельдшер Пирогова.

История рождения, жизни, страданий и смерти моего верноподданного кота Мошки

Однажды на садовом балконе к нашему завтраку явилась невзрачная, малорослая и худощавая серая с черными полосками кошка и, к моему удивлению, тотчас же начала брать пищу из рук; вскоре осмелилась она и вскочить на мои колени. Визиты ее продолжались ежедневно в обеденное время, и затем она исчезала, по всем вероятностям, на близлежащем току. Чрез несколько времени она начала являться уже в сопровождении целых шести котят, всех почти одной масти. Сначала она оставляла их в отдалении от балкона, а потом, мало-помалу, все шестеро, не без страха и трепета, однако же, начали вскакивать и на балкон; брали куски мяса, положенные вдали от стола, потом стали с каждым днем подходить ближе и смелее, но только одному или, вернее, одной из шести достало, наконец, смелости приблизиться к нам настолько, чтобы брать птицу прямо из рук, а еще один из котят хотя и приближался так же, как эта, но никогда не решался брать кусок ртом, а вырывал его из рук с артистической ловкостью своею маленькою лапою; все остальные не могли преодолеть своей боязни, а может быть и своего отвращения к нашему человеческому достоинству; вероятно, в наказание за это судьба лишила их чести быть нам сподручными, развлекать нас и беречь нашу провизию от мышей. Поэтому дальнейшая судьба этих пятерых существ мне осталась неизвестною, — одного из них, кажется, нашли загрызенным собаками.

И вот в течение каких-нибудь 5–6 месяцев статистика смертности кошек обогатилась новыми пятью смертями; из этого, правда, весьма недостаточного, статистического материала я заключаю, что цифра смертности малолетних кошек разве немногим чем ниже смертности крестьянских детей, даже и в те периоды времени, когда они свободны от дифтерита. Как бы то ни было, но достоверно то, что к концу зимы 1878 и к началу 1879 г. осталась в живых из 7 кошачьих личностей (одной матери и шести детенышей) только одна, именно та ласковая, заблаговременно преодолевшая свое отвращение к осязанию нашей руки, а затем и научившаяся с похвальной ловкостью прыгать на колени, приятно мурлыкать, выгибать спину и довольно непринужденно ласкаться.

Следствием этой заслуживающей уважения деятельности было торжественное наименование ее Машкою, так как эта личность оказалась женского рода, а вместе с этим наименованием и материальная поддержка ласкового ее организма питательною пищею, теплым помещением в сутерене²¹ и некоторые другие льготы и дусеры²². Эта-то особа и была родительницею моего любимца.

История его рождения не безынтересна в следующих двух отношениях: во-первых, родительница его, несмотря на данные ей нами великодушно все права и преимущества домашнего животного, не вполне, как видно, покинула обычаи своей покойной матери (бабушки моего любимца, также называвшейся Машкою, хотя и не вполне сочувствовавшей этому названию), и потому, почувствовав себя на сносях, в конце февраля 1879 г., начала удаляться от дома, искать уединения, не соответствовавшего ее общительной натуре, и затем произвела на свет, где-то под клуною в саду, несколько существ, число которых я статистически определить не в состоянии, так как, за исключением одного, они все сделались в самом нежном возрасте жертвою сильного ливня и бури, свирепствовавшей у нас в мае 1879 г.; одного же, оставшегося едва в живых, злополучная мать перенесла в зубах из сада в наш сутерен.

Малютка этот возбуждал общее сочувствие драматизмом своей судьбы; когда же я услышал, что легкомысленная мать перестала его кормить вскоре после его переселения в суте-

²¹ Подвал (*франц.* souterrain).

²² Нежности (*франц.* douceur).

рен, то сочувствие мое перешло в глубокое сострадание к участи несчастного, и я задумал сделать его наследником злополучного Васьки, нашего прежнего любимца, преждевременно погибшего, два года тому назад, в бурную ночь, зимою, от зубов ненавистных ему собак.

Когда крошечное животное, предоставленное ветреною матерью, обретавшеюся с новым избранником любви где-то в бегах, было принесено ко мне, то оно, нисколько не стесняясь и не пугаясь, как это делали его покойные дяди и тетки, тотчас же залезло ко мне в широкий рукав пальто и пробралось почти до самого плеча; затем, несмотря на свой ранний возраст, начало с аппетитом и без разбора кушать все, что ему предлагалось, с видимым наслаждением греться на солнце, заигрывать лапочками, словом, вести себя так наивно и непринужденно, как будто бы оно уже давно было домашним членом нашего общества. Видя это и считая мать его без вести пропавшею, мы порешили сделать малютку законною ее наследницею и передать ей то же самое высокое женское имя, так компрометированное и незаслуженно носившееся ее заблудшеюся матерью. Таким образом и росло это милое животное под именем Машки, сделавшись вскоре нашею общею любимцею; оно было необычайно живого и подвижного характера; с раннего утра целые часы проводило в бегании, прыганий и кувыркании с пробкою, бумажкою, веревочкою, кисточкою, со всем, что только ему попадалось в лапки; аппетит имело превосходный и, несмотря на преждевременную отвычку от материнского молока, выросло на мясной пище не по дням, а по часам. Летом, поутру ежедневно я забавлялся с моею Машкою; сидя на балконе у меня в руке лежал конец шнурка, привязанного к комку бумаги и продетого чрез ручку дверного ключа; бумага от дерганья шнурка поднималась и опускалась, а Машка скакала, прыгала, ловила бумажный комок, и когда удавалось ей поймать, то с каким-то неистовством и остервенением теребила его зубами и лапами, катаясь по полу и царапаясь изо всех сил об захваченную бумагу задними лапами.

Надо признаться, что Машка не получила никакого воспитания и росла у нас как дитя природы. Не знаю, был ли для нас всех пол этой милой крошки совершенно безразличен или же все мы были не довольно любознательны, но то факт, что только чрез два месяца мы, к нашему удивлению и, не скрою, даже радости, узнали от нашего женского персонала, почему-то интересовавшегося этим предметом, истину относительно настоящего пола нашего любимца. Он оказался не кошкою, а котом. Что было делать? Не оставлять же коту женское прозвище? А между тем он уже привык к нему и тотчас же являлся на зов, когда кликали: Машка, Машка. Вот я и придумал – прости, Господи, мое согрешение, – переменить имя Машка на созвучное ему – Мошку, тем более что наш подраставший котик своею юркостью и сметливостью имел некоторое, хотя и отдаленное, сходство со знакомыми мне жидками, носящими от рождения это же самое великое имя пророка Мойше, беседовавшего с Иеговою, но, к стыду нашему, искаженное и превращенное старинными польскими помещиками в презрительную кличку – Мошка.

Итак, судьба моего Мошки действительно драматична, если возьмем в соображение, что он, чудесно спасенный от пагубного ливня, в самом раннем младенчестве был перенесен в среду людей, был оставлен жестокою матерью на произвол судьбы и, наконец, быв от роду котом, ошибочно признавался долгое время за кошку и носил незаслуженно женское имя. Наверное, на роду ему было написано не наслаждаться целью и нормальною кошачьею жизнью.

Едва мой Мошка был всеми признан бесспорно за кота и начал этим возбуждать к себе еще более мое сочувствие, как откуда ни возьмись явилась внезапно его заблудшая мать в сопровождении своего временного супруга, бывшего прежде ее родным братом, и начала сблизиться с брошенным ею предательски сыном. Мошка с первого же появления своей матери начал как-то странно на нее посматривать, не дичился, однако же и не ссорился, а чрез несколько времени, к нашему удивлению, принялся сосать ее с такою ревностью, как будто бы он никогда не переставал кормиться материнским молоком. Между тем аппетит его и к мяс-

ной прежней пище нисколько не ослабевал; таким образом, он питался за двух, быстро рос, толстел, играл теперь уже не один, а вдвоем с Машкою, делая изумительные и самые забавные телодвижения, выгибая горбом спину донельзя, обхватывая крепко во время игры передними лапами шею матери, а задними отталкивая ее от себя с неистовою яростью. Несмотря, однако же, на казавшееся цветущим здоровье и силу, несмотря и на веселое расположение духа, у моего несчастного Мошки незаметно развилась какая-то странная болезнь, наблюдавшаяся мною и у щенят. Это – спазмодическое удушье, появлявшееся периодически, внезапно, без всякой видимой причины, во время спокойствия и сна. Животное после веселой игры, спокойно спавшее на коленях или кровати, вдруг принималось с хрипом втягивать в себя воздух, поднимая голову кверху и неподвижно устремив взор. Пароксизм этой астмы продолжался несколько секунд, но был нередко жесток, что грозил внезапным задушением. По окончании животное опять укладывалось спокойно, как будто ни в чем не бывало. Наружных признаков никаких не замечалось; иногда, однако же, подчелюстные железы казались нам несколько припухшими. В промежутке пароксизмов ничто не указывало на расстроенное здоровье.

Наступил и февраль 1880 года. Как известно, это месяц любви для кошек, и мой Мошка, по необыкновенному стечению обстоятельств, еще так недавно сосавший грудь Машки, начал оказывать ей некоторые знаки привязанности, вовсе не детской. Он заигрывал с нею вовсе не по-прежнему, и вскоре начал в отсутствие ее грустить, меланхолически мяукать и проситься вниз в сутеренные подвалы, обитаемые Машкой и другими кошками. Иногда исчезал мой Мошка уже и по целым дням, являлся к нам на верх усталый и голодный, и, с жадностью поев, ложился спать, проводя время во сне до самого вечера, т. е. до времени самого удобного как для людских, так и для кошачьих rendezvous²³. Но подвальные кошки, по свидетельству нашей почтенной Лорхен, ежедневно посещавшей сутерены, почему-то не любили его; наружность его, немало представительная и чрезвычайно красивая на наш взгляд, казалось бы, не могла не нравиться и прекрасному полу кошачьего племени; с большей вероятностью можно предположить, что спазмодическая астма была причиною его неудач в любовных поисках; нетрудно, в самом деле, себе представить ужас и негодование ветреных кокоток кошачьей расы, когда кокодес, ухаживающий за ними, внезапно и в самом разгаре волокитства, терял дух, вытягивал шею, странно хрипел и еле-еле жил: как ни коротки были эти пароксизмы удушья, но они не могли не дать повода к бегству уstraшенных ветрениц, не отличающихся особенным присутствием духа. Несмотря на все описанные перемены в образе жизни и в нравственном быте моего Мошки, я, основываясь на опыте, зная, как молодость, в особенности кошачья, легко увлекается, как первое появление половых отправлений переворачивает все в организме вверх дном, не очень заботился о последствиях. Весна, располагающая всех к любви, а кошачью шкуру еще и к линянию, по справедливости может считаться самым критическим и вероломным временем года, и я с нетерпением ожидал ее окончания. Но в книге судеб верно значилось, что Мошка не переживет и первой половины весны. Он опасно захворал, но не прежнюю свою болезнью – спазмодическим удушьем, а, по-видимому, новою – рвотою – и чрез двое суток его не стало на свете.

И вот во время его опасной болезни распространились между моими домашними злоещие слухи о нанесенных будто бы ему побоях на заднем крыльце Максимом, якобы завидовавшим, что не ему, Максиму, достаются от обеда кости жареного рябчика и некоторые другие объединенные деликатесы. Мы поверили этим слухам, зная по многим наблюдениям вероломство Максима и его жестокое обращение с животными в наше отсутствие. Поэтому вскрытие трупа Мошки было для меня интересно не только в научном, но и в нравственно-судебном отношениях. Несмотря, однако же, на все желание открыть истинную причину быстротечной болезни и смерти моего любимца, наука не обогатилась после его вскрытия никаким новым

²³ Свиданий (*франц.*).

приобретением; только один Максим приобрел снова доверие, нравственно выиграл; сильные побои, стучание Мошкиною головою оземь, как утверждала доносчица, оказались, во всяком случае, клеветою; ни малейших признаков травматического повреждения, и – увы! также точно и ни малейших макроскопических признаков болезненного состояния. Остается все сложить на нервную систему и обвинить верхний гортанный нерв и весь блуждающий нерв Мошки в причинении ему насилия гораздо более пагубного, чем травматизм, переносимый кошками, как известно, весьма хорошо. А почему же именно эти нервы? Потому что, по наблюдению некоторых современных физиологов, раздражения верхнего гортанного нерва могут останавливать или задерживать дыхательный акт, а главный ствол этой гортанной ветви – блуждающий нерв – влияет и на отправление желудка.

Итак, мой милый Мошка погиб, вероятно, вследствие ненормального питания мясною вареною пищею вместе с материнским молоком, от расстройства нервной системы, усиленного еще *abusu in Venere*²⁴ и нравственным унижением, причиненным его кошачьему достоинству легкомысленными насмешками прекрасного пола.

Но какая бы ни была причина смерти этого невинного существа, и родившегося, и умершего, по-видимому, – но только по-видимому, – бесцельно и беспричинно, потеря была для меня с женою не безразлична. Жена плакала; мне же только взгрустнулось, и даже менее, чем когда я три года тому назад лишился моей собачонки Ляды; про нее, про ее выразительные, как-то человечески глядевшие на меня глазки (с незакрытыми белками) я и теперь еще вспоминаю со вздохом, и признаться ли самому себе, с грустью, более щемящею, чем когда вспоминаю о некоторых знакомых, близких мне, умерших людях. Это святотатство, это уродство чувств, это постыдное чувство для человеческого достоинства! Пусть так, но что же делать, если в привязанности Лядки ко мне я не находил ни малейшего лицемерства, ни вероломства, а и то, и другое встречал в отношениях ко мне самых близких людей.

Надо обдумать несколько: отчего мы так привязываемся к животным?

Но прежде, чем найду время к этому обдумыванию, замечу, что между 6-м и 13-м марта (1880 г.) произошло несколько неожиданных событий.

Во-первых, неожиданно то, что температура и погода *idem per idem*²⁵ до ужаса однообразна. Морозы по ночам до 10°; в течение дня до –7 и –5°; раза два шел снег с метелью; ветер тот же холодный, пронзительный NW, но солнце греет днем так, что меховой воротник нагревается как будто на печи. Такой дружной, суровой и продолжительной зимы здесь я еще не встречал. Однажды, в 1868 г., лежал снег также долго (до 20-го марта), но не было такого холода и ветра. Вода от морозов в пруде сбыла, и на мельнице в Людвиговке действует одно колесо. Снег между тем понемногу и нечувствительно продолжает исчезать, несмотря на снежные метели. Что-то будет с всходами озими, с деревьями в саду? Да кто знает – чего не знает! Живи, не зная, терпи и все-таки поневоле думай и гадай о будущем!

Во-вторых, 9-го марта я получил 16 поздравительных телеграмм. С чего-то взяли в Москве (исключительно), Казани, Киеве, Воронеже и Вюрцбурге, что 9-го марта – день моего 50-летнего юбилея. Я, благодаря низжайше, заметил в ответной телеграмме в Москву, что, вероятно, поводом к этим неожиданным приветствиям послужило то, что я в 1828 г. получил в Москве степень лекаря (но в таком случае желающие должны были бы поздравлять два года тому назад). Служба же моя считается с 1831 года, а докторский диплом мне дан в Дерпте 30-го ноября 1832 г.

²⁴ Злоупотреблением любовью (*лат.*).

²⁵ То же самое через то же самое (*лат.*).

Итак, охотники до юбилеев могли бы меня поздравлять 3 раза, а если из трех случаев желали бы избрать самый удобный, то, разумеется, это был бы 1882 г., т. е. 50-летие докторского диплома.

В-третьих, 14–18 был у больного в Елисаветграде, у помещика, человека лет уже 50 с хвостиком, прежде военного, страдавшего, уже женатым, 4 года тому назад сифилисом; я знаю больного уже года три; болезнь – страшная невралгия сначала надбровного нерва, потом межреберных, теперь плечевых нервов. Но о сифилисе я ничего не знал, и когда больной мне рассказывал, что причину страдания он приписывает лечению декоктом²⁶, то я сдуру не догадался, для чего ему понадобился декокт, полагая, что врачи его происхождения надбровной невралгии приписали ревматизму. Затем этот господин во время его пребывания у меня, 2 года тому назад, получил сильную рожу лица и головы с острогнойным отеком, и когда она прошла, то исчезла и невралгия; около 2 лет он был здоров, в прошлом году купался в лимане, простудился, по его словам, и получил сначала межреберную невралгию, а теперь сильнейшую плечевого сплетения: тянет всю руку, особенно по направлению локтевого нерва, как клещами; притом хронический катар легких с эмфиземой. *Collodium cantharidatum* и морфий эндерматически, подкожные впрыскивания морфия и атропина. *A syphilis?* При чем он тут? *Videbimus*²⁷.

Между тем вчера и сегодня, марта 20-го – 21-го, NW прекратился. Небольшой, но прохладный ветер с SW; днем +2 до 3° R, а ночью от 0 до –3°.

Да откуда же привязанность и даже чуть ли не любовь к животным? К каким животным привязывается человек исключительно? К собаке, кошке, лошади и певчим птицам. Из них – к лошади привязанность не чистосердечная, а связанная с пользой, приносимой этим животным, и его значительной ценностью; говорят, что араб любит коня как друга, но и эта дружба, верно, не бескорыстная: конь необходим для существования кочевника и делается его *alter ego*²⁸. Пожалуй, про некоторые собачьи расы (сибирская, легавые, овчарки, гончие) можно сказать то же: их держат и к ним привязываются люди из расчета, да и привязанность к кошке началась, вероятно, с того же: как было не воспользоваться их специальностью – искусством ловить мышей? Но ведь люди и женятся большей частью по расчету, например, из двадцати миллионов наших крестьян верно 19 999 000 женятся для того, чтобы иметь в доме бабу для печи, хлева, ребят; этот способ женитьбы не препятствует, однако же, а прямо способствует, в большинстве случаев, развитию привязанности и даже любви. И так же, как между людьми существует и привязанность чистосердечная, так и в привязанности к животным, всего чаще к собакам, кошкам и певчим птицам, особенно воспитанным и вскормленным с самого рождения дома, замечается искренняя сердечность, похожая на ту, которую человек оказывает детям. Без сомнения, она зависит, как и привязанность к детям, отчасти от чувства своего собственного превосходства, снисходительности и жалости к существам слабейшим и менее развитым, но, конечно, это не одно.

В чувстве нашей привязанности к животным, я полагаю, играет важную роль представление, которое мы имеем о животном. В этом представлении есть нечто странное. Я где-то читал, что Гегель признавал в безмолвии животных нечто мистическое. Я вполне разделяю этот взгляд философа. Всякий из нас не может не видеть в животном сходства с собою, и вместе с тем не может ясно понять причину огромного различия, лежащего пропастью между нами и животными. Организации животных, так же как и нашей, предписано высшим начальством чувствовать, а следовательно наслаждаться и страдать; суждено также и бороться с стихийными силами, а по учению Дарвина даже и совершенствоваться, изменяясь и переходя из низших форм и типов в высшие. И, несмотря на это тождество основных и самых существенных

²⁶ Декокт (*лат.* decoctum) – отвар из лекарственных трав.

²⁷ Увидим (*лат.*).

²⁸ Вторым я (*лат.*).

свойств животной и нашей организации, – все-таки пропасть. Ни животное меня не понимает, ни я животного, то есть его субъективную сторону не могу вполне понять и поневоле сужу о ней только по себе (то есть по своей субъективности). Гегель прав: существо, действующее во многих отношениях совершенно сходно со мною, обнаруживающее ясно чувства, страсти и даже мысль, немо; оно смотрит на меня, ласкает, зовет, ищет меня, просит у меня пищи, и все молча; невольно представляется – незнакомым с функцией Рейлевого островка и даже с его присутствием или отсутствием в мозге животных, – невольно, говорю, думается таким особам, что тут что-то неладно, что животное верно скрытничает, содержит от нас в тайне свои мысли, короче, поступает как немой карлик в волшебных сказках...

Вот и Благовещение, 25-е марта, а весны нет как нет; туман, ветер не очень сильный, но перескакивающий с юга то на восток, то на запад, а тепла не приносит. Ночью все 0° и –3°. Днем от +5 до +6°.

1880 г. декабря 22-го

Я убедился, что не могу вести дневника; вот прошло полгода и более, как я ничего не мог или не хотел вписывать в мой дневник. Теперь начну писать не по дням, а когда попало; остается еще много, много невысказанного, и успею ли еще, доживу ли, чтобы это многое записать? Читать, что записано, не стану, а на чем остановился при наступлении весны – хорошо не помню. Кажется, на жизнеописании моих кошек и собак и рассуждении о том, почему привязываемся к животным.

Вот и теперь я было решился не заводить снова возле себя ни кошки, ни собаки, а между тем какой-то жидок принес весной щенка, не то легавого, не то левретку, и мы, я и жена, снова привязались; это, вероятно, оттого, что нет в доме маленьких внучат и вместо внучки – Мимишка, сучка, и спит, и ест, и гуляет с нами, – и странно, что у меня пропала боязнь; я прежде страшно восставал против этой привязанности к маленьким собачонкам, зная из практики о многих случаях водобоязни от укушения именно маленькими собачками. Теперь еще живо помню, как однажды, лет 30 тому назад, при посещении Обуховской больницы в С.-Петербурге д-р Майер мне показал больного, одержимого, по его мнению, так называемую произвольную водобоязнью (*hydrophobia spontanea*); подошед к этому больному, сидевшему спокойно на кровати, я как-то инстинктивно указал пальцем на едва заметный у него значок на лбу и вдруг вижу, что бедняк страшно побледнел, скорчился, зарыдал и тут же признался, что несколько недель тому назад его оцарапала на лбу маленькая собачка, с которой он играл. Вскоре припадки водобоязни усилились и он умер.

Странно, говорю, что теперь у меня прошла эта боязнь маленьких собак. А основанием привязанности к домашним животным, я думаю, служит, по крайней мере отчасти, замеченная Гегелем мистичность животного. Когда видишь перед собою живое существо, действующее во многих отношениях подобно нам, обнаруживающее не только чувства наслаждения, но и досады и боли, а между тем бессловесное как будто потому только, что скрывает свои чувства и мысль, то невольно подозреваешь в нем присутствие нашего «я», как-то мистифицированного, но особенно глаза: глаза домашних и плотоядных, и травоядных мистичны; они говорят без слов; у моей Лядки виднелись даже белки между век и придавали глазам какое-то человеческое выражение – это, я полагаю, редкость, – и скрытые веками белки обыкновенно считаются характерным признаком животных глаз, отличающих их от человеческих.

Я читал в одном альманахе сравнение с утилитарной, эстетической и нравственной сторон между лошадию и собакою: и ту, и другую считают лучшими и, можно, пожалуй, сказать, единственными друзьями человека, но автор статьи, немец, отдавал преимущество лошади и укорял собаку в низости и лакействе; она слишком ласкова, ползает, унижается пред сильным. В этом есть доля правды; когда маленькая собачка встретится с большою, злою, она тотчас же пасует, ложится на спину и складывает лапки, а перед домашнею маленькою собачонкою, пользующеюся фавором господ, я видел не раз, как увивались и ползали большие собаки, принадлежавшие тем же господам. Но все-таки лошадь может быть разве в аравийских степях таким верным другом своего господина, как собака; и ласки, и привязанность собачьи не у всех собак унижительны; глаза выражают ясно, чего желает собака: зовет ли гулять, чует ли чужака, – все, все в ней намекает на что-то, как будто взятое у человека.

Лет 30 тому назад я все, что говорю теперь, счел бы пустою фразеологиею, и я считал всякую жалость к страданиям собаки при вивисекциях, и еще более привязанность к животному, одною нелепою сентиментальностью. Но время все изменяет, и я, некогда без всякого сострадания к мукам (хлороформа тогда еще не знали) делавший ежедневно десятки вивисекций, теперь не решился бы и с хлороформом резать собаку из научного любопытства; теперь мне сделалось очень вероятным, чему я прежде не хотел верить, что Галлер в старости ханд-

рил и приписывал свою хандру множеству сделанных им вивисекций; если не ошибаюсь, это рассказывает Циммерман в своей книге «Ueber die Einsamkeit»²⁹.

Особливо тяжело мне вспоминать о тех вивисекциях и операциях, в которых я, по незнанию, неопытности, легкомыслию или Бог знает почему, заставлял животных мучиться понапрасну. Да, самая едкая хандра есть та, которая наводит воспоминания о насилиях, нанесенных некогда чужому или собственному чувству. Как бы равнодушно мы ни насильовали чувство другого, никогда не можем быть уверены, чтобы это насилие не отразилось рано или поздно на нашем собственном чувстве. Когда моя Лядка околевала в страданиях, устремив на меня свои глазенки, стоная, и, несмотря на муки, выражала мне привет легкими движениями хвоста, во мне с жалостью к любимой собачонке пробудились воспоминания о мучениях, причиненных мною лет 30 и 40 тому назад целым сотням подобных Лядке животных, и мне стало невыносимо тяжело на душе.

Еще тяжелее бывает мне, когда находит на меня воспоминание об оперированном, также лет 40 тому назад, старике; только однажды в моей практике я так грубо ошибся при исследовании больного, что, сделав литотомию³⁰, не нашел камня. Это случилось именно у робкого, богобоязненного старика; раздосадованный на свою оплошность, я был так неделикатен, что измученного больного несколько раз послал к черту.

«Как это вы Бога не боитесь, – произнес он томным, умоляющим голосом, – и призываете нечистого, злого духа, когда только имя Господне могло бы облегчить мои страдания!»

Какой урок в этих словах страдальца! – я их как будто и теперь еще слышу. Как бы много пришлось переделывать себя, если бы можно было спустить с плеч полвека.

Да, и мне приходится, вспоминая прошедшее, нередко относиться охая к жизни и повторять слышанное однажды восклицание старого капитана, страдавшего непроходимую стриктуру³¹ и свищами мочевого канала; измученный тщетными позывами на мочу, трясаясь и всхлипывая, он с расстановкою выкрикивал: «Ох, ох, ты жизнь-матушка!»

²⁹ Об одиночестве (*нем.*).

³⁰ Рассечение мочевого пузыря для извлечения камней.

³¹ Стриктура (*лат.* stricture сжимание, сдавливание) – резкое сужение трубчатого органа (например, желчного протока, мочеточника) вследствие воспалительного процесса.

(3 января 1881)

Но наконец пора уяснить себе и другие стороны моего мировоззрения. Прошло уже полгода с тех пор, как я выяснил себе только одно из них. Это было прошлого зимою, а летом я не могу писать. Лето старику приносит такое наслаждение, что и не думаешь вникать в себя; зеленые поля, цветущие розы, листва – все в свободное от практических и мелочных занятий время тянет к себе, наружу, и не пускает сосредоточиваться в себе. Ребенком я слышал, что мой дедушка Иван Михеич зимою тосковал и жаловался детям: «От, детки, верно, Михеичу уж зеленой травы не топтать», но как только наступала весна, 100-летний старик снова оживлялся и целые дни топтал зеленую траву.

Но я хочу не только уяснить себе со всех сторон мое мировоззрение, мне хочется из архива моей памяти вытащить все документы для истории развития моих убеждений: как они после разных метаморфоз сложились и сделались настоящими. Мне кажется, что теперь, в настоящее время, разные стороны моего мировоззрения сделались гораздо отчетливее и яснее для меня, чем это было прежде. Может быть, это иллюзия, мираж, но почему же прежде, как ни казался я себе убежденным в том или другом воззрении, я все-таки не был уверен, что останусь навсегда при нем? Теперь же, напротив, я вполне уверен, что воззрения мои на жизнь и мир останутся такими, как есть, до последнего вздоха. Я думаю, что, пережив разные фазисы моего мировоззрения, я наконец убедился, что не доживу ни до какого нового их метаморфоза. И эта уверенность чрезвычайно успокоительна; чувствуешь что-то прочное в себе: изменяйся, сколько хочешь, окружающее меня, я не изменюсь! А что если и это мираж? То есть если и самая твердая уверенность – иллюзия? Если окружающее сильнее ее?

Не может ли быть, чтобы иллюзия, возбудившая такую твердую уверенность, как мою, не была сильнее окружающего? Это противоречило бы историческим фактам, доказывающим противное. Мало ли что мы считаем теперь в истории целых поколений за галлюцинацию, фанатизм и т. п., а между тем под влиянием этих иллюзий народы жили целые века, проливали за них потоки крови и умирали с ними. Так пусть будет и с моею иллюзией, если она для других кажется такою, а для меня останется твердым и неизменным убеждением до конца жизни.

Начну *ab ovo*³².

Мне сказали, что я родился 13-го ноября 1810 г. Жаль, что сам не помню. Не помню и того, когда начал себя помнить, но помню, что долго еще вспоминал или грезил какую-то огромную звезду, чрезвычайно светлую. Что это такое было? Детская ли галлюцинация, следствие слышанных в ребячестве длинных рассказов о комете 1812 года, или оставшееся в мозгу впечатление действительно виденной мною в то время, двухлетним ребенком, кометы 1812 года, во время нашего бегства из Москвы во Владимир, – не знаю.

Помню и еще какую-то странную грезу нити, сначала очень тонкой, потом все более и более толстевшей и очень светлой; она представлялась не то во сне, не то в просонках и была чем-то тревожным, заставлявшим бояться и плакать: что-то подобное я слышал потом и о грезах других детей. Но воспоминания моего 6-8-летнего детства уже гораздо живее.

Мой родительский дом, сгоревший во время нашествия французов в Москву, потом снова выстроенный, стоял в приходе Троицы в Сыромятниках. О времени моих воспоминаний, то есть о возрасте, к которому относятся первые мои воспоминания, я сужу из того, что живо помню еще и теперь беличье одеяльце моей кровати, любимую мою кошку Машку, без которой я не мог заснуть, белые розы, приносившиеся моей нянькою из соседнего сада Ярцевой и при моем пробуждении стоявшие уже в стакане воды возле моей кровати; мне было тогда,

³² С самого начала (*лат.*).

наверное, не более 7 лет; по крайней мере, года 4 отделяют эти воспоминания от других, уже совершенно ясных, относящихся к моему десятилетнему возрасту.

О смерти Наполеона³³ я помню уже весьма отчетливо тогдашние рассказы.

Карикатуры на французов, выходявшие в 1815–1817 годах, расходившиеся тогда по всем домам, я как теперь вижу.

Я знаю от моих родителей – я научился русской грамоте почти самоучкою, когда мне было 6 лет, и я хорошо помню, что учился именно по карикатурам, изданным в виде карт в алфавитном порядке. Первая буква «А» представляла глухого мужика и бегущих от него в крайнем беспорядке французских солдат с подписью:

Ась, право глух,
Мусье, что мучит старика,
Коль надобно чего,
спросите казака.

Буква «Б». Наполеон, скачущий в санях с Даву и Понятовским на запятках, с надписью:

Беда, гони скорей с грабителем московским,
Чтоб в сети не попасть с Даву и Понятовским.

«В». Французские солдаты раздирают на части пойманную ворону, и один из них, изнуренный голодом, держит лапку, а другой, валяясь на земле, лижет из пустого котла. Надпись:

Ворона как вкусна, нельзя ли ножку дать.
А мне из котлика хоть жижи полизать.

Может быть, я живо помню эти карты и потому, что их видел потом, когда мне было более 6 лет, но то, что помню почти исключительно три первые «А», «Б», «В», показывает, что на память мою они подействовали всего сильнее, когда я учился грамоте, то есть когда мне было 6 лет. Правда, я помню и еще одну из этих карт с буквою «Щ» и подписью:

Щастье за Галлом, устав бресть пешком,
Решилось в стан русский скакать с казаком.

Но это потому, что долго, долго задумывался на ней, не умея себе объяснить, почему какой-то француз в мундире, увозимый в карете казаком и притом желающий выпрыгнуть из кареты, именуется «щастьем»? Какое же это счастье для нас? – думалось мне.

Это ученье грамоте по карикатурным картинкам вряд ли одобрит педагогами. И в самом деле, эти первые карикатурные впечатления развили во мне склонность к насмешке и свойство подмечать в людях скорее смешную и худую сторону, чем хорошую. Зато эти карикатуры над кичливым, грозным и побежденным Наполеоном вместе с другими изображениями его бегства и наших побед развили во мне рано любовь к славе моего отечества. В детях, как я вижу, это первый и самый удобный путь к развитию настоящей любви к отечеству.

³³ Наполеон умер 5 мая 1821 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.